

Алексей Котов

Лебединая охота

Алексей Николаевич Котов

Лебединая охота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24888100

Аннотация

Повесть о двух последних днях и штурме монголами города Козельска в мае 1238 года...

Лебединая охота

«Яко ум крепкодушный имеют людье в граде, словесы лестными невозможно бе град прияти. Козляне же свет сътворише – не вдатися Батью, рекше, яко аще князь наш млад есть, но положим живот свои за нь и zde славу сего света приимше, и там небесные венца от Христа бога приимем».

Галицкий летописец об осаде Козельска монголами в мае 1238 года.

1.

Утро 11 мая в монгольском лагере началось с переполоха. Китайский мастер Хо-Чан понял это, едва выйдя из палатки, но сначала он успел удивиться тому, что не увидел возле палатки своего помощника Лю-Чо с парой рабов. Две тяжелых связки сыромятных ремней на плечах китайского мастера горбом подпирали щеки, и Хо-Чану пришлось оглядываться по сторонам в поисках помощника, тяжело ворочая головой. Сначала, из-за узкого обзора, монгольский лагерь показался ему подозрительно пустым, а потом он услышал странные звуки, похожие то ли на шум падающей под косой травы, то ли на тупые удары о землю сбрасываемых с телеги

мешков.

Хо-Чан замер и насторожился... В сердце холодной змейкой вполз беспричинный страх. Он чуть наклонился вперед, аккуратно положил у входа в палатку свой груз, но не выпрямился, а принялся отряхивать штаны на коленях. Пара осторожных взглядов налево и направо – теперь уже не стиснутых до ширины ладони ношей на плечах – наконец-то прояснили ситуацию. Уравновешенный и смирный Хо-Чана снова удивился, но на этот раз не столько суете в лагере, а тишине, в которой она происходила. Среди бесчисленного количества повозок, юрт, арб с длинными, задранными вверх оглоблями, метались люди с тревожными, перепуганными лицами. Одни из них по-рыбьи разевали рты, другие – уже запыхавшиеся – не закрывали их совсем, но ни те, ни другие не издавали ни звука. Спокойными и деловитыми казались только монголы. Если воины других племен куда-то бежали, стараясь укрыться в юртах или за ними; под телегами или в ворохах сена на них, то небольшие группки монголов неторопливо шли, о чем-то тихо переговаривались между собой и без лишней суеты, даже с ленцой, оглядывались по сторонам.

Хо-Чан медленно выпрямился, и какое-то время постоял возле палатки, рассматривая непроницаемые лица монголов. Никто не спешил в его сторону и никто не показывал на него пальцем. Китаец успокоился и, взглянув на хмурое, низко нависшее над землей небо, заставил себя думать

о возможном дожде, о том, что нужно укрыть катапульты и кострах, которые придется разжигать под торопливо собранными навесами. Катапульты и баллисты постоянно были в работе или в дороге, без должного присмотра небрежно ремонтировались, и теперь, обстреливая Козельск с предельно дальнего расстояния, часто ломались. У машин ослабевали и рвались натяжные ремни, выскакивали из пазов изношенные валы, а на самой большой, которую Хо-Чан любовно называл «цветком черной розы», грозил развалиться на части собранный кое-как маховик-противовес. Работы, как всегда было много, надвигающийся дождь увеличивал ее объем, но приказы Великого Хана Бату не в первый раз оспаривали волю Неба.

Какое-то время Хо-Чан ждал Лю-Чо и рабов. И только сообразив, что переполох в лагере как-то повлиял на то, что они не пришли, не без горечи решил, что день начинается неудачно.

Кто-то дико закричал за его спиной. Крик показался настолько близким, что китаец невольно вздрогнул, но оглядываться не стал. Крик перешел в хрип, затем в жалобные и сдавленные слова на непонятном языке. Мимо, появившись из-за спины Хо-Чана, прошла группа монголов – человек десять. Ни один из них не взглянул в сторону китайца. Был ли среди них тот, кто кричал, Хо-Чан не увидел, потому что снова принялся старательно отряхивать колени. Он решил скользя взглядом только вслед воинам – их тяжелые,

широкие спины были похожи на стену.

Монголы никогда не устраивали резни в лагере, предварительно не объяснив ее причины. Как правило, это происходило рано утром. Объявив приказ Великого Хана, монголы ждали час, пока весть достигнет самого отдаленного края лагеря, и только потом приступали к его выполнению. Пару лет назад Хо-Чан стал свидетелем расправы над отрядом уйгуров, состоящим из пяти сотен воинов. Почти все они были на площади, когда глашатай объявил волю Великого Хана и только десяток больных и раненных бойцов оставались в своих палатках. Хо-Чану врезались в память бледные лица обреченных воинов. Когда глашатай окончил говорить, уйгуров никто не тронул... Монголы ждали и спокойно смотрели на то, как уйгуры группками расходятся в разные стороны. Эти стайки людей становились все меньше: сотни дробились на полусотни, потом на десятки и те таяли прямо на глазах, растворяясь в толпе разно племенного народа. Кто-то спешил к лошадям, зная, что у них есть какое-то время, чтобы скрыться, другие искали начальников, чтобы те просили Великого Хана о помиловании, и эти последние вскоре снова образовали огромную группу едва ли не из трех сотен человек. Монголы не обращали внимания ни на тех, ни на других. Когда к ним обращался кто-то из уйгуров (в том числе и кто-то из их командиров), монголы лениво и молча усмехались в ответ, пожимали плечами или просто отворачивались.

Охота на уйгуров началась ровно через час. В огромном лагере не было паники, потому что все знали, кого ищут. Тех приговоренных, которые направились к юрте Великого Хана (близко их не подпустили), монголы посекали мечами и расстреляли из луков, отдавая предпочтение стать палачами молодым бойцам, в том числе и не монголам. Более опытные воины, не без радостного возбуждения, предпочли участвовать в погоне за сбежавшими. Конная охота обещала быть долгой, не простой и это еще больше веселило монголов.

На этот раз Хо-Чан легко догадался о причине гнева Великого Хана Бату. Вчерашний бой у стен осажденного Козельска оказался очень трудным, закончился не удачно, хотя, в сущности, не являлся штурмом, а только очередной подготовкой к решительному натиску. Монголы продолжили яростный обстрел городских стен из катапульт и баллист, осажденные забрасывали проломы в стенах связанными бревнами, и главной задачей атакующих было растащить эти завалы и расширить бреши в стенах. Монголы привязывали к огромным пикам с крюками на концах толстые веревки, стреляли ими из баллист в груды бревен и застрявшие там пики тащили запряженные цугом лошади. Но связанные между собой крест на крест бревна плохо подавались, веревки рвались, а лошади скользили копытами по мокрой от дождя земле. Более толстые веревки не годились, потому что утяжеленные заряды просто не долетали до городских стен. Штурм прервал сильный ливень. Воины вязли в грязи, луч-

ники, обслуга баллист и катапульт почти не видели стен города, а поскольку прицел изношенных машин приходилось поправлять после каждого выстрела, они просто перестали стрелять, чтобы не задеть своих.

Ливень ослабел только к семи вечера, и Великий Хан приказал возобновить бой. Сильно похолодало и продрогшие воины нехотя поплелись по своим отрядам. Особенно неохотно шли к стенам Козельска кипчаки-лучники. Их задача состояла в том, чтобы как можно ближе подобраться к городу, и не давать защитникам заделывать бреши. После дождя в наспех засыпанный ров снова пришла вода, и кипчакам приходилось стоять едва ли не по пояс жидкой грязи. Щиты из толстых досок, предназначенные для защиты от стрел врага, всплывали, ложились на бок, открывая тех, кого они должны были защищать. Возобновленный после дождя бой шел вяло и быстро кончился, когда кипчаки попятились от стен Козельска. Крюки, застрявшие в бревнах, снова рвали мокрые веревки и их концы, как плети, стегали по спинам пятившихся лучников.

«Плохо вчера все кончилось, – подумал Хо-Чан. – Слишком плохо!»

Китаец оставил тяжелую связку сыромятных ремней возле палатки – не самому же ему было тащить их – и, выбрав самую широкую и прямую дорогу, (она проходила рядом и вела в сторону северной части лагеря) двинулся в путь. Китаец шел не спеша, старательно придерживаясь середины пу-

стой дороги. Суета и ужас отшатнулись от него в глубину лагеря, за бесчисленные юрты, палатки и телеги.

Вскоре Хо-Чана обогнал воин, судя по всему, кипчак. Он был без оружия, без шлема, доспехи не были застегнуты и несколько длинных веревочек змейками били по его взмокнувшей от пота рубашке на спине. Коротконогий воин бежал медленно и неуклюже, сильно припадая на одну ногу. Кипчака догнали три монгола, повалили на землю и несколько раз ударили по лицу. Пойманный затих, прикрывая лицо руками, его поднимали, ударили еще раз – коленом в живот – и когда человек скорчился, монголы потащили его к центру лагеря.

«Он мог пойти и сам, – стараясь сохранить спокойствие, подумал Хо-Чан. – Зачем бить человека, а потом волочить его?»

Рассуждая так, китаец продолжил свой путь. Дорога повернула направо, и Хо-Чан увидел группку монголов из семи-восьми человек. Китаец помимо воли замедлил шаги. Монголы стояли возле юрты тысячника Бурхана. В центре отряда молодой, рослый, воин о чем-то спорил с пожилым и кряжистым крепышом. Молодой показывал рукой в сторону центра лагеря, второй не соглашался с ним и несколько раз громко повторил «Мало, мало!..» Заметив приближающегося китайца, молодой воин перестал спорить и принялся с интересом рассматривать Хо-Чана. У китайца похолодело под сердцем. Он не знал имени этого монгола, но однажды злая

судьба уже сталкивала их. Это было еще прошлой осенью, когда увлеченный работой Хо-Чан, тащил с телеги тяжелую, железную втулку и уронил ее. Инстинктивно испугавшись, что она упадет ему на ногу, Хо-Чан отпрыгнул назад и хотя спас свою ногу, но наступил на чужую. Пострадавший – молодой, рослый монгол – выругался и со всего размаха ударил китайца кулаком по спине. Возможно, Хо-Чану досталось бы гораздо больше, но молодого монгола остановил начальник отряда Тэрбиш. Старый воин перехватил руку молодого монгола и молча, с видимым усилием, опустил ее вниз. Ссора двух монголов была короткой, потому что немногословный Тэрбиш, как всегда был краток и груб. Он прогнал молодого воина, но когда тот уходил, Хо-Чан хорошо запомнил его короткий, полный ненависти взгляд.

Хо-Чан остановился, присел и сделал вид, что поправляет обувь. Он развязал веревочку на голенище левого сапога, и принялся не спеша снова ее завязывать. Китаец думал обстоятельно, неторопливо и в первую очередь пытался сдерживать свой страх. Он попытался прислушаться к тому, о чем говорят монголы, но они стали говорить тише, ветер относил звуки в сторону и единственное, что удалось услышать Хо-Чану, было опять-таки слово «мало».

Монголы не уходили, хотя, по-видимому, их, как и прежде, не интересовал китаец, а молодой монгол демонстративно отвернулся в сторону. Закончив с левым сапогом, Хо-Чан принялся за правый. Китаец уже понял, ему предсто-

ит сделать нелегкий выбор пути. Он мог, не доходя до монголов, свернуть налево и тем самым показать им свою спину или смело пройти мимо них, но этот путь лежал в центр лагеря, где, китайцу, в сущности, нечего было делать. Тринадцать катапульт и баллист, снятых вчера с позиций для ремонта, стояли прямо за лагерем, с его западной стороны, вблизи небольшой рощицы. Хо-Чан еще вчера приказал своим многочисленным помощникам, какие деревья нужно срубить, сколько и какой длины бревен нужно очистить от коры. Предварительная подготовка наверняка была уже завершена, а сыромятные ремни, которые Хо-Чан оставил у палатки, должны были довести нелегкий труд до конца, стягивая бревна и крепежное железо в единое целое. Это была тонкая работа, требующая осторожности, потому что, высыхая, вымоченные в воде ремни с такой силой сжимали бревна, что они могли треснуть или потерять выверенный угол в крепеже. Как минимум десяток катапульт, по приказу Великого Хана, должен был быть готов к полудню. Хо-Чан беспокоился о том, высохнут ли ремни, останется ли у него время на пробные выстрелы и не придется ли сушить ремни с помощью костров и факелов, что увеличивало риск поломки машины. А если снова пойдет дождь?..

Закончив возиться с обувью, Хо-Чан выпрямился и подчеркнуто внимательно осмотрел сапоги. Но думал он только о том, что у него осталось не так много времени, которое сейчас он теряет попусту и о том, что приказ Хана Бату дол-

жен был выполнен в срок любой ценой.

Плотная завеса облаков разорвалась, на секунду выглянуло солнце, но не над монгольским лагерем, а восточнее. В густом, насыщенном водяными парами воздухе, солнечные лучи были похожи на яркую и тонкую завесу опущенную с небес.

«Как красиво!..» – подумал Хо-Чан, на секунду забыв о монголах.

Завеса солнечного света изогнулась, двинулась к лагерю, но стала быстро гаснуть. Облака сомкнулись и последний солнечный луч умер не на земле, а в воздухе, осветив черную воронью стаю.

Хо-Чан смело двинулся прямо на монголов. Молодой монгол по прежнему смотрел в сторону, а остальные бросили на приближающегося китайца пару безразличных, тусклых взглядов и вернулись к своему разговору.

Хо-Чан невольно ускорил шаги. Монголы стояли так, что пройти мимо можно было только рядом с молодым воином. Хо-Чан попытался сделать это как можно быстрее, но, как оказалось, его враг был настороже: едва китаец поравнялся с ним, тот с силой толкнул его локтем в плечо. Монголы засмеялись, увидев, как легкий китаец, словно пушинка, отлетел в сторону. Колесо арбы спасло Хо-Чана от падения, но торчащая из колеса ось едва не сломала ему позвоночник.

Молодой монгол что-то спросил его, но не по-монгольски, а по-китайски. С трудом подбирая незнакомые слова, он го-

ворил так, что слова превращались во что-то отрывистое, лающее и непонятное. Ожидая ответа, молодой монгол положил ладонь на рукоять меча.

Хо-Чан отошел от арбы и механически ощупал спину. Боль в пояснице сделала его первые слова почти беззвучными. Хо-Чан ответил по-монгольски: он назвал свое имя и сказал, что состоит в свите Великого Хана. Он достал из-за пазухи серебряную пайцзу в виде головы собаки, которую всегда носил на медной цепочке, снял ее и протянул воину. Модой сделал вид, что сильно удивился, увидев знак большой власти. Другие монголы тоже взглянули на пайцзу, кто-то из них цокнул языком и что-то тихо сказал молодому.

Тот убрал руку с меча и коротко, презрительно бросил Хо-Чану:

– Иди, куда шел. Твоя голова не стоит и дохлой собаки.

В пустой от страха голове китайца мелькнула мысль «И все?..» Можно было спокойно уйти, но вдруг пришла обида. Она началась со спазма в горле, потом ударила жаром в голову и, опустившись вниз, к сердцу, заставила забиться его сильнее. Китаец зачем-то оглянулся на арбу за спиной.

«Он же все знал, знал!.. – подумал Хо-Чан. – Потому что когда в прошлый раз спорил с Тэрбишем, тот наверняка сказал ему, кто я».

Серебряная пайцза давала Хо-Чану огромную власть. Например, он мог заставить толкнувшего его монгола весь день таскать за собой тяжелое бревно. Китаец облизал пересох-

шие губы... Одно из таких бревен лежало совсем рядом, возле арбы. Злость сделала мир серым и пустым. Хо-Чан видел только ухмыляющееся лицо монгольского воина.

– Ты мне нужен, ну кер! – хрипло крикнул молодому монголу Хо-Чан. Он кивнул на бревно: – Возьми его и неси за мной.

Во взгляде молодого монгола появилось спокойное любопытство.

– Тебе не правится, когда к тебе прикасаются воины? Ты мстишь мне? – он перестал усмехаться. – В таком случае, носи свою пайцзу на шапке.

Вперед вышли другие монголы и молодой бесследно исчез за их спинами. Пара чьих-то сильных рук развернула Хо-Чана и мягко толкнула в ту сторону, куда он шел. Китаец попытался развернуться, но те же руки снова толкнули его и уже сильнее.

– Иди, иди! – тихо сказал ему в спину примирительный голос по-монгольски. – Один дурак – плохо, а два дурака на одной дороге – к беде.

Монголы быстро ушли. Хо-Чан немного постоял, собираясь с мыслями, и приводя нервы в порядок. Он уже жалел, что поссорился с молодым монголом, но обида не уходила. Она отхлынула от сердца, остыла, но, свернувшись холодным комом где-то под желудком, давила и вызывала тошноту. Хорошо распланированный день уже не вызывал у Хо-Чана ни прилива сил, ни желания работать и он медленно,

прихрамывая, пошел в сторону центральной площади...

Там толпились несколько тысяч воинов без оружия. Это были кипчаки, узбеки и еще какие-то воины в высоких, остроконечных шапках. Монголы пытались построить их в ряды и торопливо отсчитывали каждого десятого. Затем того выхватывали из строя и тащили к плахам, возле которых орудовали топорами гиганты-палачи. Строй наказываемых воинов постоянно ломался, монголы восстанавливали его, снова отсчитывали, снова выхватывали и снова тащили.

Хо-Чана снова удивила тишина. Был слышен только топот ног, громкое дыхание людей и стук доспехов.

«Великий Хан еще спит», – догадался Хо-Чан.

Гигантская юрта Бату, поставленная на четыре специальные, неимоверно широкие арбы возвышалась над площадью как гора, покрывая ее утренней серой тенью.

Немного понаблюдав за казнью, Хо-Чан вспомнил о своей работе. Про себя он решил, что обязательно расскажет о молодом наглеце Тэрбишу. Ведь теперь молодой монгол наверняка не оставит его в покое. Но китайца беспокоила мысль, что начальник отряда только отмахнется от него...

2.

... Это было тончайшее состояние между сном и явью похожее на плавное снижение во время полета. Сон, как облака уходил выше, а внизу, в призрачных разрывах, появлялась

земля, усеянная точками бесчисленных лесных озер.

Хан Бату повернулся на бок и ткнулся носом в подушку. Правая рука загребла что-то мягкое и податливое – судя по всему покрывало – и потянула его под голову. Бату улыбнулся, вспоминая свой сон, прерванный резким криком откуда-то снаружи. Он забыл этот крик и снова смотрел на смуглую, жилистую шею отца. Но теперь понимал, что это только сон, на который он смотрит словно со стороны.

– Сиди тихо, – сказал Джучи-хан.

Маленький Бату молча кивнул. Он сидел, вцепившись обеими руками в края легкой, кожаной лодчонки. Джучи шел по воде, доходящей ему почти до колен, сзади лодки, направляя ее в узкую щель между камышами.

– Папа... – оглянулся Бату.

Лицо Джучи стало строгим, и он приложил палец к губам. На дне лодки лежали два лука – большой и маленький – и стрелы. Маленький Бату, пытаясь справиться с нетерпением, тоже нахмурился и принялся рассматривать оружие. Смотреть по сторонам было неинтересно – густые стены камыша закрывали все вокруг. Малышу очень хотелось взять в руки лук, натянуть тетиву и ощутить ее приятную, смертоносную упругость.

Когда дно стало уходить из-под ног, Джучи легко приподнялся на руках, опираясь на корму лодки, и оказался рядом с маленьким Бату.

– Что?.. – едва слышно спросил он сына.

Бату вдруг забыл о том, что он хотел спросить у отца. Мальчик покраснел от смущения, оглянулся, словно отыскивая то, о чем он забыл и вспомнил почему-то о матери Уки-хатун.

«Одонцэцэг – значит Звездный цветок, – подумал Бату, – но у женщины должно быть одно главное имя...»

Джучи едва заметно улыбнулся и повторил:

– Ну, что молчишь?

«Или Хонгорзул... Тюльпан», – вспомнил Бату.

Мальчик слышал эти новые имена своей матери, когда Уки-хатун уговаривала Джучи поехать к Чингисхану. Джучипил кумыс, улыбался и не спорил с женой, лишь называя ее ласковыми именами. Уки все равно нервничала, а когда муж назвал ее Жаргал (Счастье), вдруг заплакала.

– Отец зовет тебя, и если ты не поедешь, он убьет тебя! – выкрикнула Уки. – Неужели ты ничего что происходит?!

Бату вспомнил, что хотел спросить у отца именно об этом: какой безумец может поднять руку на его Джучи – сына великого Чингисхана? Но вопрос вдруг показался мальчику нелепым, а, главное, неуместным.

– Всегда думай, прежде чем спросить, – ответил на молчание сына Джучи. Он взял весло, и лодка уверенно заскользила вперед. – Ты понял?

Бату почувствовал стыдливый жар на щеках и кивнул.

Заросли камыша наконец расступились в стороны. Гладь озера была еще покрыта легким туманом и казалось пустой.

Джучи перегнал лодку на подветренную сторону, к похожим, но чуть более редким зарослям. Встав на одно колено, он взял лук, опробовал тетиву и кивнул сыну на весло:

– Давай, – коротко приказал он.

Маленький Бату поднял весло и ударил им по стене камыша. Бить было неудобно, и весло, издав легкий шум, только скользнуло по зарослям. Бату прикусил губу, и что было силы ударил снова. Легкая лодка качнулась,

– Не опрокинь лодку! – тихо засмеялся Джучи.

На шум весла тут же раздался ответный шум хлопающих крыльев. Три утки пронеслись рядом с лодкой. Бату показалось, что его разгоряченного лица коснулась легкая волна воздуха.

Почти тут же раздался звук спущенной тетивы. Стрела достигла одну утку в десятке метров от зарослей и пробила ей горло. Вторая стрела перебила крыло еще одной жертве значительно дальше, чуть ли не на середине озера. Обе утки были живы и тяжело били крыльями по воде.

– Гребь быстрее, а то утонут, – Джучи сел.

Бату что было силы налег на весло. Лодчонку снова сильно качнуло, мальчик быстро перенес весло на правый борт, и суденышко ходко пошла вперед. Бату греб к утке упавшей дальше, потому что она быстрее затихала и над водой виднелось только одно судорожно дергающееся крыло.

Джучи перебирал стрелы и о чем-то думал. Его лицо вдруг показалось мальчику темным, хмурым и задумчивым. Ба-

ту вспомнил последние слова матери, брошенные Джучи во время их ссоры: «Ты ведешь себя как безумный!»

– Папа, папа, папа!... – прозвал совсем рядом мальчишеский голос.

Сон кончился. Великий Хан Бату чуть вздрогнул и открыл глаза.

Рядом с его постелью сидел на корточках его старший сын Сартак.

– Что? – спросил Бату и удивился тому, как сильно похож его голос на голос Джучи.

Мальчик ничего не ответил и опустил глаза. Там, на улице, разрастался шум.

Бату провел рукой по лицу, и сон ушел окончательно, без следа.

«Если утром охрана турхаудов выпускает в юрту Великого Хана его сына, значит, Хана ждут», – догадался Бату. Он невольно улыбнулся, рассматривая потупленное лицо сына.

«Сколько ему сейчас? – подумал Бату. Лицо Сартака вдруг показалось ему удивительно красивым и по-детски нежным. – Наверное, сколько было мне тогда – семь лет...»

Бату резко сел. Мальчик не пошевелился. Бату погладил сына по голове. Сартак поднял глаза, вопросительно глядя на отца.

– Я с тобой пойду? – спросил он.

– Пойдешь, – легко согласился Бату.

Шум на улице становился все сильнее, в нем уже появи-

лись отдельные громкие выкрики. Чаще всего это были «Батух!» или «Бату-хаал!»

Пока отец одевался, Сартак прислушивался к крикам.

– Почему они так зовут тебя? – спросил он. Он поморщился: – Батух!..

– Большинство воинов – не монголы, – пояснил Бату, протискивая голову в горловину рубахи.

– А что значит Бату-хаал?

– Бату-хан ал наем.

– «Ал наем» значит «пощади»? – догадался Сартак.

Бату кивнул. Сартак улыбнулся, глядя на отца:

– Ты – Великий Хан, но почему ты так долго спишь по утрам?

Бату задумался. Остатки сна уходили прочь и он снова становился Великим Ханом, а не просто отцом. Правильная фраза, та, которую должен был услышать его сын, рождалась медленно, даже мучительно медленно и он невольно нахмурился.

«Если смысл гнева Великого Хана до конца понятен каждому, тогда его может оспорить, пусть даже молча и про себя, любой глупец...» – мысль вдруг стала слишком тонкой и оборвалась.

Бату вспомнил лицо Джучи. Это был похоже на обрывок сна: Джучи натягивает лук и, остро прищурившись, смотрит на кончик стрелы.

«Мой отец никогда не был глупцом, – подумал он. – Но он

так и не поехал к Великому Чингисхану. А значит, оспорил приказ и сделал вид, что не понимает его гнева. Почему?..»

Не дождавшись ответа отца, Сартак нетерпеливо повторил:

– Я с тобой!

«Ты со мной, мой сын, пока ты со мной...» – вдруг подумал Бату.

Мысль была непонятной и неоконченной.

Едва выйдя из юрты, Бату-хан тотчас потерял из вида мальчишку. Сначала Сартак исчез в толпе своих многочисленных друзей, потом толпа детей растворилась в другой, куда более большей по размеру и состоящей из взрослых, а затем перед Великим Ханом предстали его военачальники, заслоняя своими могучими фигурами все вокруг ...

3.

Облака становились все тяжелее, но дождь не начинался. Воины хорошо помнили вчерашний ливень и с недоверием косились на небо. Подготовка к последнему штурму осажденного Козельска шла бодро там, где слышались резкие голоса монголов, и значительно медленнее, где командовали вожди разношерстных племен. Людская масса была похожа на море, и оно все ближе подступало к стенам города.

К полудню к южным воротам Козельска удалось подтащить огромную стенобойную машину. Прикрывая ее, из та-

тарского лагеря непрерывно били катапульты и баллисты. Расстояние довольно большим, и Хо-Чан метался от одной катапульты к другой, то и дело поправляя прицел. Подтащить орудия ближе не было возможности. Недавно засыпанные рвы перед стенами крепости за ночь снова просели из-за дождя и превратились в огромные, глубокие лужи с покатым, мягким дном. Кроме того, мешали мощные пни деревьев, когда-то росшие вдоль рвов и спиленные защитниками Козельска.

Стенобойную машину тащили вверх, к воротам Козельска на высоком валу, по насыпи укрепленной камнями, бревнами и досками. Насыпь начиналась метров за десять до главного рва и узкой, шестиметровой полосой полого шла вверх. Еще мягкая, неутоптанная земля проваливалась под окованными железом колесами машины и щерилась торцами бревен и разбитых досок.

На половине пути один отряд штурмующих сменил другой. Те, которых сменили, отступали вниз, пятась и прикрываясь щитами от стрел, летевших с полуразрушенных стен крепости. Движения воинов были вялыми, – тяжелая работа вымотала их до предела – и иные из них падали, споткнувшись о камень или бревно. Вставая, один из молодых воинов поднял щит как женщина таз с бельем – взявшись двумя руками за его края. В спину неумехи тут же попала стрела и пробила кожаные доспехи над правой лопаткой. Юнец дико вскрикнул, стал лицом к крепости и поднял щит. Мелькнуло

его перекошенное злобой лицо, побледневшее от страха.

Стенобойная машина – похожая на огромную хату с железной крышей, – подошла к воротам почти вплотную, раздался скрежет, стих, потом повторился снова и стал похожим на пронзительный крик. Начальник отряда – воин с красной чалмой на голове, из которой торчал острый шишак шлема – нагнулся и заглянул под колеса. Он замахал руками, закричал, и машина остановилась. Принесли лом и стали выбивать из-под колеса большой камень. Начальник ругался, проклиная тех, кто делал насыпь и ровнял дорогу к воротам. Камень под колесом прочно сидел в земле, часть его удалось отколоть, а оставшаяся стала похожа на острый зуб. Воин в чалме махнул рукой в сторону лагеря. Машина дернулась и подавалась на пару метров назад. Уже не двумя, а шестью ломami ее задние колеса стали разворачивать левее. Камень нужно было обойти. Один из воинов, злясь, все еще бил по камню, но не ломом, а палицей, что-то дико кричал, и когда его толкнули – чтобы он не мешал – воин замахнулся палицей на того, кто посмел его тронуть. Тот, другой, попятился в сторону... Стрела, пущенная со стены, чиркнула по щиту и попала ему в шею. Человек упал. Начальник в красной чалме несколько раз ударил воина с палицей кулаком в лицо, а когда тот упал, принялся бить его ногами. Начальника сильно толкнули в спину... Видно у того, кого он бил, были родственники и друзья в отряде. И они оказались достаточно смелыми для того, чтобы поднять руку на сотника во время боя с врагом.

Еще вечером ханскую ставку перенесли за ручей, впадающий в Жиздру, и теперь Бату лично наблюдал за подготовкой к последнему штурму.

– Твои люди быстро устают, Великий Хан, – учтиво сказал хан Кадан. Он так и произнес, «люди», а не «воины». Кивнув в сторону ворот, он добавил: – Хорезмийцы не слишком хороши в бою, потому что сами привыкли отсиживаться за стенами. Кроме того, они забыли, что такое дисциплина, потому что ты слишком долго держишь их у стен этой ничтожной крепости.

Скрывая улыбку, Кадан поклонился Бату, но, не торопясь, и многие из ханской свиты успели увидеть ее. Бату сделал вид, что не обратил внимания ни на слова Кадана, ни на то, что так же весело сверкнув глазами, склонился в поклоне тучный, низкорослый Бури.

За шесть недель, во время которых Кадан и Бури громили русские города, проходя лавой с севера на юг через страну «длиннобородых», и пока рядом не было великого Бату, они привыкли принимать самостоятельные решения, и их мысли стали простыми и дерзкими, как у выпущенных из клетки на свободу волков.

Явившись под Козельск три дня назад, и Кадан и Бури удивились тому, что Великий Хан называл Козельск «злым го-

родом».

– Злой город, как злая овца, – шепнул Кадан своему старому другу. – Но какой бы лютой ни была овца, она всегда по зубам даже плохонькому волку.

Тем временем пауза возле городских ворот закончилась, воины возле стенобитной машины снова взялись за работу, а зачинщик драки затерялся в толпе.

– Найдешь его потом, – тихо сказал Бату огромному ну-керу, стоявшему рядом с его тронem. – Этому наглецу видно хочется того, что другие получили сегодня утром. Обязательно доложи мне.

Затем Бату велел позвать Хо-Чана. Запыхавшийся китаец предстал перед Великим Ханом через несколько минут.

– Мой брат Кадан недоволен твоей работой, мастер, – строго сказал Бату. – Ты можешь подтащить катапульты ближе к стенам?

Эта была обычная уловка. За любой непорядок или неувязку во время битвы отвечал не тот, кто был в ней виновен, а тот, кого назначал сам Великий Хан. Хо-Чан каждый вечер докладывал Бату о делах и проблемах, но не удивился тому, что теперь Бату решил заговорить об этом же уже прилюдно. Учитель, подумал китайский мастер, вызвал лучшего ученика, чтобы другие увидели, насколько «хороши» все остальные.

Хо-Чан низко поклонился и рассказал о просевшем крепостном рве и пнях.

Великий Хан молча кивнул.

— Ров можно было засыпать раньше, а пни выкорчевать, — тут же вмешался в разговор Кадан. — Или тебе было мало семи недель?

Хо-Чан пояснил, что после холодной и долгой зимы земля оттаяла только к середине апреля. Половина пней была выкорчевана, а остальные вросли в землю так, что десять пар лошадей рвали цепи толщиной в руку, пытаясь выдернуть наполовину выкопанные корни из земли.

Великий Хан снова чуть заметно кивнул, слушая китайского мастера. Хо-Чан осмелел и сказал, что три четверти катапульт и баллист, доставленных Каданом и Бури в лагерь Бату, либо сломаны, либо изношены до предела. Великий Хан одобрительно усмехнулся. Уже заканчивая свою речь, Хо-Чан вдруг вспомнил о толкнувшем его молодом монголе.

«Вот бы о ком бы им рассказать! — тоскливо подумал он. — Если бы я сломал позвоночник, кто бы сейчас делал мою работу?»

Слушая китайца, хан Кадан пренебрежительно морщился, а Бури отвернулся в сторону. Катапульты, баллисты и стенобойные машины были только кучей связанных или сбитых между собой бревен. В лучшем случае за них отвечал тысячник, отряд которого больше чем наполовину формировался из увеченных воинов и пленных. Среди них встречались и китайцы. Последние не были ни воинами, ни рабами и работали за деньги. То, что Батый дал слово именно такому че-

ловеку – наемнику – унижало Кадана и Бури.

– Сколько можно монголам грызть стены этой крепости? – буркнул Кадан, уже не глядя на китайца. – Есть много причин, чтобы оправдать свое бессилие и только одна, чтобы взять этот город – приказ Великого Хана.

– Это не крепость, а крепостной остров, – вежливо пояснял Кадану Хо-Чан. – Там... – китаец показал налево, – река Другусна, а там... – он показал направо, – Жиздра. Жители крепости соединили две реки широким рвом. Высота вала города-крепости больше двадцати метров, а стен – десяти. Весной реки сильно разливаются и обстрел города из-за рек просто невозможен. Кроме того, южный ров...

– Рва больше нет, – перебил китайца Кадан.

Хо-Чан чуть было не закричал, что ров есть, если к стенам крепости невозможно подтащить катапульты. Его лицо пожелтело от напряжения, и китаец едва успел проглотить уже готовые сорваться с губ резкие слова.

– Ров есть, – с поклоном, возразил он. – Пусть он похож на гнилые зубы старой собаки, но он – есть.

Великого Хана Бату перестал интересовать диалог между мастером Хо-Чаном и ханом Каданом. Он привстал и осмотрелся по сторонам, ища кого-то. Совсем рядом, за спинами воинов, мелькнуло разгоряченное лицо Сартака. Мальчик азартно преследовал кого-то и размахивал маленьким копьём с деревянным наконечником. На этот раз разгоряченное лицо сына показалось Бату особенно красивым. Детский

хор голосов на секунду приблизился, заглушил другой хор – мужской – но тут же стих, словно растворились в нем.

«Ну, теперь Сартак обязательно победит», – улыбнувшись про себя, подумал Бату. Мысли Хана вернулись к близкому штурму и он нахмурился.

«А ты сам победишь?..» – промелькнула в голове далекая, сознательно отстраняемая мысль.

– Азамат! – громко позвал он.

Из толпы придворных Великого Хана вышел невысокий воин в иссиня черной кольчужной броне. Широкий желтый пояс перетягивал его узкую талию, такой же желтый шишак на голове был похож на жало, а темный плащ за плечам – на обвисшие крылья.

Азамат улыбнулся Батыю, обнажив ряд крупных зубов, и, приветствуя Великого Хана, поднял правую руку.

– Бери своих лучших воинов и иди к городу, – Бату кивнул на городские стены. – Прогони оттуда тупых бездельников-хорезмийцев, оставь только сотню и пусть они до конца разобьют ворота. Если будет нужно, помоги им. Но, главное, ты вскроешь город, как вспарывают брюхо раненого медведя.

Азамат посмотрел туда, куда показывал великий Хан. Его улыбка превратилась в глумливую усмешку. Несколько секунд Азамат, прищурившись, рассматривал полуразрушенные стены и огромный «дом» стенобойной машины перед его воротами.

– Ты – великий Хан! – хрипло сказал Бату Азамат. – И, возблагодарим Аллаха за то, что ты будешь им целую вечность.

Воин поклонился.

– Ты хорошо понимаешь нашего Великого Хана? – тихо шепнул Бури Кадану. – Потом он будет говорить, что семь недель ждал, пока не просохнут засыпанные рвы у стен «злого города», а сам город взял один малочисленный отряд лихого Азамата. Правда, на десяток его воинов-волков в этом городке вряд ли надеется хотя бы пара овец.

– Великий Хан слишком спешит, – так же тихо ответил Кадан. – Ворота еще не разбиты, а Азамат слишком горяч, как раздраженная оса, ведь недаром он так похож на нее. Говорят, что когда Азамат два года назад стал мусульманином, и его спросили, кто более велик, Аллах или Бату, он ответил вопросом: а разве они не одно и то же?..

Оба улыбнулись и чтобы скрыть улыбки, опустили головы...

Через полчаса в центре становища войска Бату слышался смех. Он рос, превращался в хохот и растекался вокруг медленно, как смола. Несколько тысяч воинов хана Азамата снимали доспехи, обнажаясь по пояс. Они вынимали из ножен мечи, с удивлением и весельем, будто видели впервые, рассматривали их и смеялись от радости. Другие воины еще стояли у больших котлов, над которыми клубился

густой, чуть пахнувший корицей, пар и возле которых суетились шаманы, а остальные пили густое, коричневое варево. Отшвырнув в сторону ковши, они быстро веселели, кто-то принимался петь, но этих сразу одергивали – шлепали по щекам или били палкой по спине. Нескончаемый говор глушил отдельные слова в толпе и над ней стояло несмолкаемое «Ау-у-у!... Ау-у-у!...»

– Азамат!... – вдруг взвыл чей-то голос на самой высокой ноте.

– Азамат!... – тут же отозвалось многоголосое, ликующее эхо.

Хан Кадан бросил быстрый взгляд на лицо Бури. Тот хмуро рассматривал снятый с пояса нож – подарок Чингисхана.

– Алтайское зелье, – тихо сказал Кадан. – Великий Хан греет черным колдовством уже и так красную от жара кочергу.

– Бату умен, – почти не слышно, с усмешкой, ответил Бури. – Наверное, он считает, что в «злом городе» живут злые духи и поэтому он посылает против них демонов в человеческом обличе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.